

Изъ этого проклятаго круга любви и ненависти (эпиграфъ къ „Anno Domini“: „Nec sine te, nec tecum vivere possum“) выводитъ поэта сверхличныя чувства — любовь къ родинѣ и вѣра въ свое призваніе. Въ пѣсняхъ дана великая свобода. Отъ пытки земной страсти освобождаетъ «дивный даръ» пѣсенъ, который «отлѣившій любви». Стихи о стихахъ, о Музѣ, о поэтѣ занимаютъ большое мѣсто въ «Вѣлой Стаѣ». Въ послѣднемъ сборникѣ—Муза проходитъ какъ утѣшительница и другъ. Ахматова благословляетъ «измѣнника» на союзъ съ другой, а сама уходитъ «владѣть чудеснымъ садомъ, гдѣ шелестъ травъ и восклицанья музъ».

Темное земное томленіе переливается въ пѣсни и падъ смертью и отчаяньемъ царитъ «вольный духъ»:

Я-то вольная. Все мнѣ забава —
Ночью Муза слетитъ утѣшать,
А на утро притащится Слава
Погремушкой падъ ухомъ трещать.

По фактурѣ стихи 1921 г. разнообразны и разнокачественны. Строгая классическія формы продолжны. Чувствуется большая легкость и гибкость техники. Анапесты и хоренъ вытѣсняють александрийскій стихъ. Открываются новыя возможности словесныхъ построений. Творчество Ахматовой, въ отличіе отъ поэзіи символизма, основано на разработкѣ интонацій живой рѣчи. У символизма ритмъ, синтаксисъ и оркестровка подчинены музыкальному принципу, у Ахматовой — принципу интонаціонному. Ихъ стихи — поются — ся — говорятся. И въ этомъ динамика ся поэтической «дикціи».

К. Мочульскій.

Пушкинъ. Достоевскій. Петербургъ. Изд. Дома Литераторовъ, 1921
Стр. 148.

Эта маленькая книжка интересна, хотя бы ужъ въ томъ отношеніи, что позволяетъ намъ приобщиться къ интеллектуальной жизни Россіи.

Это первый сборникъ Дома Литераторовъ. Мы находимъ въ немъ статьи о Пушкинѣ (А. Блока. — О назначеніи поэта, В. Ф. Ходасевича—Колеблемый тревожникъ, А. Ф. Кони—Общественныя взгляды Пушкина, Б. М. Эйхенбаума—проблемы поэтики Пушкина, стихотвореніе М. А. Кузмина—Пушкинъ) и двѣ статьи о Достоевскомъ (А. Г. Горнфельдъ—Два сороколѣтія и А. М. Ремизов—Огненная Россія). Сборникъ является отраженіемъ, хотя и неполнымъ (въ немъ отсутствуетъ по разнымъ причинамъ цѣлый рядъ статей Сологуба, Лернера, Котляревскаго, Щеголева и др.), Пушкинскихъ дней, въ 84 годовщину смерти, и поминокъ по Достоевскомъ по случаю 40-лѣтія со дня его смерти, справленныхъ Домомъ Литераторовъ въ февралѣ 1921 г.

Культь Пушкина и тревога за судьбы поэта въ ближайшемъ будущемъ вдохновляли участниковъ этихъ двойныхъ поминокъ.

Петровскій и петербургскій періодъ исторіи кончился. Превъжная Россія, а тѣмъ самымъ Россія Пушкинская сразу и рѣзко отодвинулась отъ насъ. Созданіемъ Пушкина предстоитъ претерпѣть рядъ измѣненій въ сознаніи читателей: Пушкинъ отдѣлился отъ

своего времени и вышелъ въ открытое море исторіи. Отсюда съ немолимой неизбежностью слѣдуетъ, что и ему, какъ Софоклу или Данте предстоитъ обрости толкованіями и комментаріями. Такъ совершенно правильно разсуждаетъ В. Ф. Ходасевичъ. Вообще всей русской литературѣ XIX в. предстоитъ еще подвергнуться коренной переоцѣнкѣ, ибо вмѣстѣ съ ликвидаціей стараго режима ликвидируются и будутъ еще ликвидироваться и пересматриваться и всё прежніе критеріи литературной критики. Одну изъ такихъ попытокъ разобратся по-новому въ творчествѣ Тургенева мы уже отмѣчали въ IX кн. «Сов. Записокъ».

Мы вступаемъ въ періодъ «новаго затмѣнія» Пушкина. «Те, на кого опирался Писаревъ — читаемъ мы въ статьѣ Ходасевича — были люди небольшого ума и убогого эстетическаго развитія — но никакъ невозможно сказать, что это были дурные люди, хулиганы или мракобесы. В исконном расколе русскаго общества стояли они как раз на той сторонѣ, на которой стояла его лучшая, а не худшая часть.» — «Слабел Пушкин — говорил Блокъ въ свой рѣчи — слабела вместе с ним и культура его поры: единственной культурной эпохи въ Россіи прошлаго века... Надъ смертным одром Пушкина раздавался младенческий лепет Белинского. Этотъ лепетъ казался нам совершенно противоположным, совершенно враждебным вежливому голосу Бенкендорфа. Он кажется нам таковым и до сих пор. Было бы слѣшком больно всем нам, если бы оказалось, что это не так... Во второй половине века то, что слышалось в младенческом лепете Белинского, Писарев оралъ уже во всю глотку.» — Въ настоящее же время не только придворные поэты футуристы ревутъ, что пора сбросилъ Пушкина «с парохода современности», но и многіе изъ тѣхъ, что искренне, какъ напр. М. Гершензонъ, стремятся истолковать великаго поэта, стоятъ уже на той незримой чертѣ, которой исторія раздѣляетъ эпохи.

Въ предвидѣніи наступающаго охлажденія къ Пушкину объединились друзья его, чтобы условиться «какимъ именемъ аукаться, какъ перекликаться въ надвигающемся мракѣ», — и выработали Декларацию о ежегодномъ Всероссийскомъ чествованіи Пушкина въ день его смерти (11 февр. / 29 янв.), подъ которой подписался длинный рядъ учреждений, начиная съ разряда изящной словесности Россійской Академіи Паукъ и кончая Петроградскимъ Пролеткультомъ.

Какъ ни были авторы сборника далеки отъ мысли придавать ихъ выступленію какой либо политической характеръ, защита Пушкина въ Совѣтской, какъ и въ старой Россіи, есть въ то же время защита права для поэта на «покой и волю». Это особенно явственно сказывается въ рѣчи А. Блока «О назначеніи поэта». Стихи Блока, конечно, несравнимы съ его прозой, но въ этомъ случаѣ словъ, до того прозрачныхъ, что по временамъ форма его неощутима, покойный поэтъ высказалъ много вѣрныхъ и хорошихъ мыслей въ защиту призванія поэта противъ нападокъ со стороны «придворной черни». «...Нужно быть тупым или злымъ человекомъ, чтобы думать, что под чернью Пушкин могъ разуметь простой народ. Пушкинскій словарь выяснитъ это дело, — если русская культура возродится. Пушкин умер — продолжаетъ Блокъ — но «для мальчиковъ не умираютъ Поэты, сказалъ Шиллер. И Пушкина тоже убила вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствіе воздуха» С нимъ умирала его культура».

— Пора, мой другъ, пора! покоя сердце просить.—Какъ примѣны эти пушкинскія слова къ самому Блоку!

Интересны статьи А. Ф. Кони и Б. М. Эйхенбаума.

А. Г. Горнфельдъ далъ очень вдумчивый разборъ отношенія къ Достоевскому со стороны публики и критики, какъ при его жизни на протяженіи сорока лѣтъ писательства, такъ и за сорокъ лѣтъ, истекшія со дня его смерти. «Не отдѣльныхъ геросов Д-ого научились мы понимать за эти годы, не его интригу, не его образы, не его романы, а самого Ф. М. Д-ого,—главного героя его произведеній, более глубокого чемъ все ихъ глубины, более загадочного, чемъ все его загадки».

Сергій Карцевскій.

ЧЕ-КА. Материалы по деятельности чрезвычайныхъ комиссій. Изданіе Центрального Бюро Партіи социалистовъ-революціонеровъ. Берлинъ, 1922 г. Цена 70 немецкихъ марокъ. Сладъ изданія: Russische Bücherzentrale „Обрасованіе“, С. m b. H., Berlin, Nürnberger Str. 65.

Настоящій сборникъ—256 страницъ убогостаго шрифта-является однимъ изъ наиболѣе убійственныхъ обвинительныхъ актовъ, какіе до сихъ поръ большевикамъ предъявлялись. Это — грозное обвиненіе противъ большевистскаго строя, большевистской «юстиціи», всей большевистской практики, большевистскихъ нравовъ. Оно направлено противъ того, что является душой и сердцемъ большевистскаго строя—противъ «чревычаекъ», которыя въ системѣ большевистской «государственности» занимають совершенно то же положеніе, что и «охранки» при самодержавіи.

Сборникъ состоитъ изъ двѣнадцати самостоятельныхъ очерковъ жизни и дѣятельности различныхъ чревычаекъ (московскихъ и провинціальныхъ); имъ въ видѣ предисловія предпослана статья В. Чернова. Всѣ двѣнадцать статей написаны въ Россіи, собраны и изданы Центральнымъ Бюро партіи социалистовъ-революціонеровъ. И даже самаго поверхностнаго знакомства со сборникомъ достаточно, чтобы убѣдиться въ достовѣрности и добросовѣстности собраннаго матеріала, такъ какъ каждая статья является по существу настоящимъ документомъ, а въ большей своей части даже показаніемъ потерпѣвшаго или свидѣтеля.

Въ краткой замѣткѣ нѣтъ возможности перечислить все богатое содержаніе и значительность сборника. Приходится поневолѣ ограничитья лишь простымъ перечнемъ самихъ очерковъ.

Сборникъ начинается статей А. Чумакова — «Корабль смерти». Это съ большою литературною силой изображенное описаніе обѣтновки допросовъ и рассказы очевидцевъ о страшныхъ и звѣрскихъ разстрѣлахъ уголовныхъ обитателей Лубянской чрезвычайки. Рѣзкими, заломанушимися чертами зарисованы слѣдователи и палачи Чеки. Нѣкоторые жуткіе эпизоды и рассказы о послѣднихъ минутахъ уведимыхъ на разстрѣлъ, переданные со словъ очевидцевъ, запоминаются навсегда.